

ШКАФЪ 54
ПОЛКА 3
№ 78

З А П И С К А

И

Р Ъ Ч Ъ,

Ч И Т А Н Н Ы Я

ВЪ ТОРЖЕСТВЕННОМЪ СОБРАНИИ

ИМПЕРАТОРСКАГО Университета

Св. Владиміра,

15 Іюля 1839 года.

№ 2425

ЗАШИСКА

И

РЪЧЬ,

ЧИТАНЫЯ

ВЪ ТОРЖЕСТВЕННОМЪ СОБРАНИИ

ИМПЕРАТОРСКАГО Университета

Св. Владиміра,

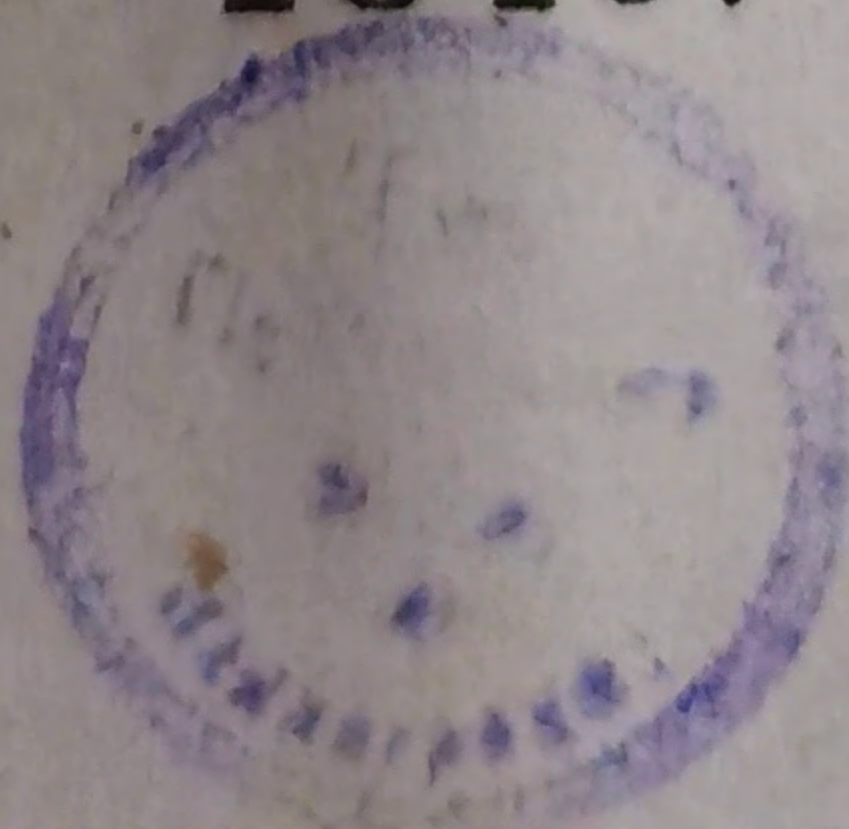
15 Іюля 1839 года,

КІЕВЪ.

Въ Университетской Типографіи.

1840.

По опредѣленію Совѣта ИМПЕРАТОРСКАГО Университета
Св. Владиміра печатать позволяется. Кіевъ, 24 Августа, 1840 года.

Ректоръ Университета *К. Неволинъ.*

ЗАПИСКА

О состояніи и дѣйствіяхъ Университета Св. Владиміра въ теченіи 183 $\frac{1}{2}$ академическаго года.

ММ. ГГ.

Настоящимъ торжественнымъ днемъ, посвященнымъ памяти великаго просвѣтителя Россіи, **ИМПЕРАТОРСКІЙ** Университетъ Св. Владиміра заключаетъ пятый годъ своего существованія.

Въ продолженіи этого года, примѣчательнаго во многихъ отношеніяхъ, въ составѣ чиновниковъ и преподавателей Университета произошли значительныя перемѣны.

Попечитель Университета Св. Владиміра и Кіевскаго учебнаго округа, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Егоръ Федоровичъ фонъ-Брадке, согласно прошенію, Всемилостивѣйше уволенъ отъ этой должности съ оставленіемъ Членомъ Главнаго Правленія Училищъ. На его мѣсто Высочайше назначенъ Двора Его Императорскаго Величества

Камергеръ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ,
Князь Сергій Ивановичъ Давыдовъ.

Помощникомъ Попечителя Университета и Кіевскаго учебнаго округа, вмѣсто уволеннаго отъ этой должности отставнаго Артиллеріи Полковника Гинцеля, Всемилостивѣйше повелѣно быть Дѣйствительному Статскому Совѣтнику Вильгельму Ивановичу Карлгофу.

Проректоромъ Университета, согласно избранію Совѣта, въ третій разъ утверждень Ординарный Профессоръ Богородскій.

Деканами утверждены: по Юридическому Факультету Ординарный Профессоръ Даниловичъ, а по случаю перемѣщенія его изъ Университета Св. Владиміра въ Московскій—Ординарный Профессоръ Орнатскій; по I Отдѣленію Философскаго Факультета Ординарный Профессоръ Новицкій; по II Отдѣленію того же Факультета—бывшій Ординарный Профессоръ Мѣховичъ, а по увольненіи его—Ординарный Профессоръ Гофманъ.

Произведены въ Ординарные Профессоры: Исправлявшіе прежде сіи должности, Доктора: Федотовъ-Чеховскій, Федоровъ и Траутфеттеръ, первый по кафедрѣ Римскаго Права, второй по кафедрѣ Астрономіи, а послѣдній по кафедрѣ Ботаники.

Вновь назначены — Экстраординарными Профессорами: Адъюнкты Московскаго Университета *Кубаревъ* по кафедрѣ Римской Словесности и Древностей, Экстраординарный Профессоръ Харьковскаго Университета *Дьяченко* — по кафедрѣ чистой и прикладной Математики. Адъюнктами: бакалавръ Кіевской Духовной Академіи *Авсенева* — по кафедрѣ Философіи, Учитель Рижской Гимназіи *Делленъ* — по кафедрѣ Греческой и Римской Словесности, воспитанники Главнаго Педагогическаго Института *Иванишевъ* — по кафедрѣ Энциклопедіи права и Государственныхъ учреждений Россійской Имперіи и *Тихомандрицкій* — по кафедрѣ чистой и прикладной Математики. Помощниками Инспектора Студентовъ: отставные Маіоры *Ивановъ* и *Масловскій*. Врачемъ при Университетѣ — Докторъ Медицины *Долнеръ*. Исправляющимъ должность Начальника Типографіи и Литографіи — Коллежскій Совѣтникъ *Коломейцовъ*. Исправляющіе должность: Экзекутора *Левашевъ* и Бухгалтера *Сомплавскій* утверждены въ настоящихъ званіяхъ.

Уволены изъ Университета: Ординарный Профессоръ Химіи, Коллежскій Совѣтникъ *Зьновичъ* и Ординарный Профессоръ Архитектуры, Надворный Совѣтникъ *Муховичъ*, съ пенсіею — первый по 4800 руб., а послѣдній по 4000 руб. въ годъ; Экстраординарный Профессоръ *Кубаревъ* по прошенію; временный преподаватель Физики въ

Университетъ, Ординарный Профессоръ Кіевской Духовной Академіи, Надворный Совѣтникъ Чеховичъ; Лекторъ Нѣмецкаго языка Лидль; Инспекторъ Студентовъ, Полковникъ Гинглингъ, согласно его прошенію; Помощники его—Маіоры Ивановъ и Шишкинъ, и врачъ Университета, Надворный Совѣтникъ Маевскій.

Перемѣщены къ другимъ должностямъ: Ординарные Профессоры Даниловичъ и Якубовичъ въ Московскій Университетъ; Экстраординарный Профессоръ Гречина, Лекторъ Французскаго языка Плансонъ и Учитель рисованія Клембовскій — въ Харьковскій Университетъ; Адъюнктъ Зоологіи Андрижеевскій—Исправляющимъ должность Профессора въ Нѣжинскій Лицей Князя Безбородко, Экономъ Института казеннокоштныхъ Студентовъ—Секретаремъ въ тотъ же Лицей; Начальникъ Университетской Типографіи, Коллежскій Секретарь Могиланскій—Инспекторомъ 2-го Благороднаго Пансіона при первой Кіевской Гимназіи; Помощники Инспектора Студентовъ—Саханскій и Рутенбергъ, первый Смотрителемъ Конвикта бѣдныхъ дворянъ и землемѣровъ при первой Кіевской Гимназіи, а послѣдній Штатнымъ Смотрителемъ Златопольскаго Уѣзднаго Дворянскаго училища.

Изъ числа преподавателей и чиновниковъ Университета въ теченіи прошлаго академическаго

года получили слѣдующія лица награды: а) произведены въ слѣдующіе чины: въ Коллежскіе Совѣтники бывшій Ординарный Профессоръ *Зьновичь*; въ Надворные Совѣтники Экстраординарный Профессоръ *Гречина* и Адъюнктъ *Андржеевскій*; въ Коллежскіе Ассессоры Лекторъ *Плансонъ*; въ Коллежскіе Секретари Экономъ Института Студентовъ *Завадскій* и Секретарь Совѣта Университета *Лазовъ*. б) Единовременныя денежныя награжденія получили: Библіотекаръ Университета *Ярковскій*, Помощникъ его *Багриновскій*, Учитель Рисованья *Клембовскій*, Секретарь Правленія *Брилевичь*, Кассиръ *Княжинскій*, бывшій Бухгалтеръ *Лазовъ*, Экономъ *Завадскій*, Діаконъ Греко-россійской Университетской Церкви *Романовскій*, и причетникъ той же Церкви *Варгулевичь*; Канцелярскіе служители Университетскихъ присутственныхъ мѣстъ: *Швабиць*, *Леляковскій* и при Университетской Типографіи *Мирковскій*.

Къ общему сожалѣнію Университетъ лишился въ этомъ году одного изъ знаменитѣйшихъ своихъ Членовъ—Члена Государственнаго Совѣта, Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника Графа *Михаила Михайловича Сперанскаго*, оказавшаго незабвенныя услуги отечеству въ особенности составленіемъ Свода отечественныхъ законовъ и такъ много содѣйствовавшаго къ образованію и устройству Юридическаго Факультета въ нашихъ Университетахъ.

Въ настоящее время Университетъ Св. Владиміра имѣетъ въ своемъ составѣ почетныхъ Членовъ 15, Профессоровъ Богословія 2, Профессоровъ Ординарныхъ 10, Экстраординарнаго Профессора 1, Адъюнктовъ 8 (въ томъ числѣ Исправляющихъ должность 3-хъ), Преподавателя 1, Лекторовъ 2, Учителей искусствъ 4, Чиновниковъ: по части нравонаблюдательной 4, по части дѣлопроизводительной и хозяйственной 13, а всего 60.

Ученое сословіе продолжало совокупными силами трудиться на поприщѣ отечественнаго образованія, руководствуясь тѣмъ же проектомъ устава, который по истеченіи 4-хлѣтняго срока, въ 28 день Іюня 1838 года Высочайше повелѣно оставить въ своемъ дѣйствіи вмѣстѣ съ штатомъ и дополнительными постановленіями еще на четыре года, т. е. по 15 Іюля 1842 года.

Первоначальныя дѣйствія Университета на этомъ поприщѣ состояли въ испытаніи лицъ, изъявившихъ желаніе поступить въ число Студентовъ Университета. На сей конецъ предварительно составлены были три испытательные Комитета изъ Гг. Профессоровъ. Засѣданія Комитетовъ продолжались съ 22 Іюля по 23 Августа. Испытанія производились на точномъ основаніи правилъ утвержденныхъ Г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія въ 1837 году. Число молодыхъ людей, подвергавшихся испытанію, простиралось до 105.

Изъ нихъ удостоено приема въ Университетъ 92. Изъ поступившихъ въ предъидущіе годы оставалось 167, слѣдственно общее число Студентовъ и Слушателей въ началѣ этого года простиралось до 275 человекъ. Изъ нихъ поступило въ I Отдѣленіе Философскаго Факультета 55, во II Отдѣленіе Философскаго Факультета 72, въ Юридическій Факультетъ 148; казеннымъ содержаніемъ пользовались 50, своекоштныхъ было 225.

По окончаніи приемныхъ испытаній открыто было во всѣхъ Факультетахъ чтеніе лекцій, изъ коихъ однѣ предназначены были для Студентовъ и Слушателей Университета, другія для воспитанниковъ Училища Землемѣровъ, а нѣкоторыя для постороннихъ слушателей всѣхъ вообще состояній.

А. Для Студентовъ и Слушателей Университета преподаваемы были въ истекшемъ академическомъ году:

I. По Богословію: Церковное право для Студентовъ Православнаго исповѣданія Профессоромъ Богословія Протоіереемъ Скворцовымъ, для Студентовъ Римскокатолическаго исповѣданія — Профессоромъ Каноникомъ Головинскимъ.

II. По I Отдѣленію Философскаго Факультета

читаны были: 1) изъ Философіи: опытная Психологія, Древняя и новая исторія Философскихъ системъ до Канта—Ординарнымъ Профессоромъ *Новицкимъ*; Логика и новѣйшая исторія Философіи — Адьюнктомъ *Авсеновымъ*. 2) Всеобщая Исторія, древняя и новѣйшая, и Статистика—Исправляющимъ должность Адьюнкта *Стаеровскимъ*; Русская Исторія—Адьюнктомъ *Домбровскимъ*. 3) Греческій языкъ—Адьюнктомъ *Делленомъ*, Греческая Словесность и Исторія Греческой Литературы — Ординарнымъ Профессоромъ *Нейкирхомъ*. 4) Латинскій языкъ—Адьюнктомъ *Делленомъ*, Латинская Словесность, исторія Древней Литературы и Археологія Филологическая—Ординарнымъ Профессоромъ *Якубовичемъ*. 5) По Русской Словесности: исторія Русской поэзіи и краснорѣчія—Ординарнымъ Профессоромъ *Максимовичемъ*, Теорія краснорѣчія и изъясненіе свойствъ Русскаго языка—Исправляющимъ должность Адьюнкта *Красовымъ*. 6) Нѣмецкій языкъ и словесность его—Лекторомъ *Лидлемъ*. 7) Французскій языкъ и словесность его — Лекторомъ *Плансономъ*. 8) Италіянскій языкъ — Лекторомъ *Бертони*.

III. По II Отдѣленію Философскаго Факультета преподаваемы были: 1) изъ Математики: Дифференціальное и Интегральное Исчисленія, Методъ Варіацій, Статика и Динамика, Гидростатика и Гидродинамика — Экстраординарнымъ Профессо-

ромъ *Гречиною*; Алгебра и Аналитическая Геометрія—сначала Старшимъ Учителемъ 1 Кіевской Гимназіи *Гренковымъ*, а послѣ Адъюнктомъ *Тихомандрицкимъ*. 2) Общая и частная Физика и Физическая Географія—Ординарнымъ Профессоромъ Кіевской Духовной Академіи *Чеховичемъ*. 3) Сферическая Тригонометрія и Теоретическая Астрономія—Ординарнымъ Профессоромъ *Федоровымъ*. 4) Химія органическая и неорганическая—бывшимъ Ординарнымъ Профессоромъ *Зьновичемъ*. 5) Минералогія — Ординарнымъ Профессоромъ *Гофманомъ*. 6) Ботаника — Ординарнымъ Профессоромъ *Траутфеттеромъ*. 7) Зоологія—Адъюнктомъ *Андржеевскимъ*. 8) Начертательная Геометрія съ приложеніями ея и Гражданская Архитектура — бывшимъ Ординарнымъ Профессоромъ *Мъховичемъ*. 9) Сельское Хозяйство—Преподавателемъ *Мерцомъ*. Сверхъ означенныхъ предметовъ, Студенты II Отдѣленія Философскаго Факультета вмѣстѣ съ Студентами I Отдѣленія тогоже Факультета занимались сочиненіями на Русскомъ языкѣ, слушали исторію Русской Словесности и изучали одинъ изъ новѣйшихъ языковъ, Французскій или Нѣмецкій, и Литературу котораго либо изъ сихъ языковъ.

IV. По Юридическому Факультету преподаваемы были: 1) Энциклопедія Законовѣдѣнія Ректоромъ Университета, Ординарнымъ Профессоромъ *Неволинымъ*. 2) Учрежденія Россійской имперіи

и законы о состояніяхъ — Адьюнктомъ *Иванишевымъ*. 3) Россійскіе Гражданскіе законы — Ординарнымъ Профессоромъ *Орнатскимъ*. 4) Законы Государственнаго благоустройства и благочинія — Ординарнымъ Профессоромъ *Богородскимъ*. 5) Уставы казеннаго управленія и уставы о повинностяхъ — Исправляющимъ должность Адьюнкта *Цвѣтковымъ*. 6) Полицейскіе и Уголовныя законы — Ординарнымъ Профессоромъ *Даниловичемъ*. 7) Мѣстные законы, дѣйствующіе въ западныхъ губерніяхъ, — тѣмъ же Профессоромъ. 8) Римское Право — Ординарнымъ Профессоромъ *Федотовымъ-Чеховскимъ*. Сверхъ означенныхъ предметовъ, Студенты Юридическаго Факультета занимались еще вмѣстѣ съ Студентами I Отдѣленія Философскаго Факультета упражненіями въ сочиненіяхъ на Русскомъ языкѣ, слушали *Логикъ*, *Психологію*, *исторію Философіи*, *Всеобщую Исторію* и *Статистику*, и *Россійскую Исторію*, и изучали одинъ изъ новѣйшихъ языковъ, *Французскій* или *Нѣмецкій*, и *Литературу* котораго нибудь изъ сихъ языковъ.

V. Казеннокоштные Студенты имѣли особенныя упражненія практическія подѣ непосредственнымъ и ближайшимъ наблюденіемъ преподавателей, а именно: 1. По предмету *Философіи* Ординарный Профессоръ *Новицкій* излагалъ основанія *Педагогики* и упражнял Студентовъ въ преподаваніи *Логики*. 2. По предмету *Латин-*

скаго языка и Словесности Ординарный Профессоръ *Якубовичъ* излагалъ способы преподаванія и изученія Латинскаго языка и Грамматики. 3. По предмету Русской Словесности Ординарный Профессоръ *Максимовичъ* занимался разборомъ Студентскихъ сочиненій и заставлялъ самихъ Студентовъ преподавать лекціи изъ Русской Словесности. 4. По предмету Математики Экстраординарный Профессоръ *Грещина* упражнялъ Студентовъ въ преподаваніи Ариѳметики, Алгебры, Геометріи и высшихъ частей Математики; 5. По предмету Законовѣдѣнія Ординарный Профессоръ *Орнатскій* упражнялъ Студентовъ въ юридической практикѣ. Сверхъ того Студенты 4-го курса Юридическаго Факультета посѣщали Канцелярію Правленія Университета, гдѣ изучали практически дѣлопроизводство подѣ руководствомъ Синдика и Секретаря.

VI. Искусствамъ обучали Студентовъ: Рисованью *Клембовскій*, Музыкѣ—*Шмитъ де-Бергъ*, Фехтованію—*Урсо*, Танцованью—*Дебре*, Верховой ѣздѣ—*Ольшанскій*.

Б. Для воспитанниковъ Училища Землемѣровъ, состоящаго при 1-й Кіевской Гимназіи, читаны были въ Университетѣ: 1. Начертательная Геометрія и Архитектура бывшимъ Ординарнымъ Профессоромъ *Мъховичемъ*. 2. Межевые законы Ординарнымъ Профессоромъ *Орнатскимъ*.

В. Наконецъ для постороннихъ слушателей всѣхъ вообще состояній были читаны публичныя лекціи Техническихъ наукъ, именно: 1. Практическая Механика бывшимъ Ординарнымъ Профессоромъ Мѣховичемъ; 2. Техническая Химія бывшимъ Ординарнымъ Профессоромъ Зѣновичемъ, и Технологія Преподавателемъ Мерцомъ.

Чтеніе всѣхъ этихъ курсовъ, какъ для Студентовъ Университета, такъ и для постороннихъ, продолжалось по 17-е Марта текущаго года. Съ этого времени, по поводу всѣмъ извѣстныхъ событій, случившихся въ здѣшнемъ краѣ, въ которыя, къ общему сожалѣнію, вовлечены были и нѣкоторые изъ молодыхъ людей, принадлежавшихъ къ числу Студентовъ Университета, чтеніе лекцій въ Университетѣ пріостановлено, а новый пріемъ Студентовъ отстроченъ на одинъ годъ на основаніи Высочайшаго указа, даннаго Правительствующему Сенату въ 9 день Января этого года.

Принимая эту рѣшительную мѣру, ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, по свойственной ЕМУ благодати, явилъ въ то же время всѣ знаки милосердія и щедротъ своихъ къ сословію Университета. Смягчивъ наказанія виновнымъ, Онъ предоставилъ всѣмъ прочимъ Студентамъ Университета Св. Владиміра, неподлежавшимъ слѣдствію, поступить въ другіе Россійскіе Университеты по выбору каждаго, безъ новаго испытанія и съ зачетомъ

времени, безпорочно проведеннаго ими въ здѣшнемъ Университетѣ; тѣмъ изъ числа Студентовъ 2, 3 и 4, курсовъ, кои не пожелаютъ или по какимъ либо обстоятельствамъ не въ состояніи будутъ перейти въ другіе Университеты, дозволено вступить въ гражданскую службу съ чинами 14-го и 12-го классовъ, на которые они, какъ не вполне окончившіе курсъ ученія въ Университетѣ, не имѣли права по дѣйствующимъ узаконеніямъ. Наконецъ Профессорамъ, Адъюнктамъ, Преподавателямъ и всѣмъ чиновникамъ Университета, по штату положеннымъ, сохранены оклады жалованья впредь до открытія преподаванія въ Университетѣ Св. Владиміра.

Между тѣмъ, какъ Высочайше учрежденная Коммиссія занималась приведеніемъ въ исполненіе этого указа, Его Императорскому Величеству благоугодно было явить новый знакъ Монаршей милости къ Университету Св. Владиміра и всему здѣшнему краю. По уваженію обстоятельствъ этого края, представленныхъ отъ главнаго мѣстнаго начальства, найдено возможнымъ приблизить срокъ, опредѣленный указомъ 9 Генваря, для приѣма Студентовъ и открытія лекцій въ Университетѣ. Вслѣдствіе чего, Высочайшимъ рескриптомъ, даннымъ на имя Г. Министра Народнаго Просвѣщенія 26 Апрѣля, Всемилостивѣйше повелѣно чтеніе лекцій въ Университетѣ Св. Владиміра открыть въ установленномъ порядкѣ съ

будущаго Сентября и къ исполненію сего сдѣлать всѣ нужныя распоряженія.

Такимъ образомъ изъ числа Студентовъ Университета Св. Владиміра І. уволено: 1) въ другіе Университеты 113, въ томъ числѣ казеннокоштныхъ 17; 2) для поступленія въ гражданскую службу: а) съ правомъ на чинъ 14 класса 6, б) съ правомъ на чинъ 12 класса 8, в) безъ права на чинъ 14. II. Подвергались окончательному испытанію съ 20 Мая по 10 Іюля 26. Изъ нихъ удостоено: а) званія Дѣйствительнаго Студента съ правомъ получить степень Кандидата безъ устнаго испытанія, если представятъ удовлетворительныя разсужденія къ 1 Октябрю текущаго года, 21, а именно: по I Отдѣленію Философскаго Факультета: Николай Костырь, Кондратій Страшкевичъ, Михайль Туловъ, Феликсъ Левандовскій, Акимъ Терешкевичъ; по II Отдѣленію Философскаго Факультета: Илья Чайковскій, Людовикъ Орловскій, Николай Вахштейнскій, Михайль Желинскій, Сильвестръ Коломійцовъ, Михайль Ласскій, Доминикъ Обнискій, Казимиръ Полухтовичъ, Эдмундъ Страшинскій. По Юридическому Факультету: Густавъ Буттерманъ, Александръ Волковъ, Гавріиль Демченковъ, Иванъ Максимовичъ, Николай Пилянкевичъ, Антонъ Гейслеръ, Іосифъ Каньскій. б) Званія Дѣйствительнаго Студента безъ вышеозначеннаго права: по I Отдѣленію Философскаго Факультета—Георгій Поповъ; по II От-

дѣленію Философскаго Факультета — Эдуардъ Янковскій; по Юридическому Факультету — Петръ Шоттъ, Адамъ Верцинскій и Адамъ Невяровскій.

За удовлетворительное рѣшеніе задачъ, предложенныхъ Факультетами въ 1838 году на основаніи § 52 Высочайше утвержденнаго проекта устава Университета Св. Владиміра, въ торжественномъ собраніи 20 Октября 1838 года, награждены медалями: золотыми — Студенты Кондратій Страшкевичъ, Афанасій Роговичъ и Николай Пилянкевичъ; серебряными — Студенты Степанъ Черный, Илья Чайковскій и Иванъ Максимовичъ.

За удовлетворительное защищеніе диссертаций удостоены степени Доктора 3, а именно: Исправляющіе должность Ординарныхъ Профессоровъ въ здѣшнемъ Университетѣ Федоровъ и Траутфеттеръ, и Экстраординарный Профессоръ Гречина.

Степень Магистра получили 2, а именно: Исправляющіе должность Профессора въ Ришельевскомъ Лицеѣ Беккеръ и Левтеропуло.

Учебныя пособія Университета находятся въ слѣдующемъ состояніи:

1. Въ Библіотекѣ числится 51.129 томовъ книгъ; въ теченіи прошлаго года приобрьтено 2354 названія книгъ въ 4568 томахъ, на сумму 27.439 р.

81 к. ассигнаціями. Въ семь числъ весьма важное и многоцѣнное пріобрѣтеніе книгъ Библіотека получила отъ передачи въ оную, съ Высочайшаго повелѣнія, значительнаго числа книгъ по разнымъ предметамъ изъ дублетовъ С. Петербургской Эрмитажной Библіотеки, равно и отъ книгъ по части древней Словесности, поступившихъ въ Университетъ Св. Владиміра изъ Виленскихъ Медико-Хирургической и Духовной Академій.

2. При Институтѣ казеннокоштныхъ Студентовъ имѣется особая Библіотека, которая состоитъ изъ 320 названій книгъ, въ 868 томахъ, на сумму 4.349 р. 21 к. ассиг., и музыкальныхъ нотъ на 92 р. 88 к. Въ теченіи сего года вновь поступило въ оную 53 названія книгъ, въ 173 томахъ, на 438 р. 86 к. ассигнаціями.

3. Въ Физическомъ Кабинетѣ считается 231 приборъ, на сумму примѣрно до 10.532 р. ассиг.; пріобрѣтено въ семь году покупкою 2 прибора, на 590 р. 40 к. ассигнаціями.

4. Въ Минералогическомъ Кабинетѣ считается 6.619 предметовъ на 19.600 р. ассиг. Въ продолженіи года пріобрѣтено покупкою изъ Гейдельберга систематическое собраніе каменныхъ породъ и окамѣнелостей, состоящее изъ 600 пред-

метовъ, за 542 р. 24 к. ассиг., и отъ пожертвованій 40 минераловъ, на 75 р. ассигнаціями.

5. Въ Зоологическомъ Кабинетъ находится 15.361 видъ на 42.489 р. ассиг.; приобрѣтено въ семь году покупкою 28 видовъ на 938 р. ассиг. и отъ пожертвованій 6 видовъ на 138 р. ассиг. Сверхъ сего, въ истекшемъ 1838 году Зоологическій Кабинетъ удостоился получить отъ щедротъ Монаршихъ весьма важное и драгоцѣнное приобрѣтеніе: ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, во время пребыванія своего въ Варшавѣ, Высочайше повелѣть соизволилъ отправить одного изъ слоновъ тамошняго Зоологическаго Кабинета въ Кіевъ для Университета Св. Владиміра.

Въ Минцъ-Кабинетъ состоитъ 22.778 штукъ.

7. Въ Ботаническомъ саду находится растеній 5968 видовъ, въ 10.291 экземплярахъ, и 5790 сортовъ сѣмянъ.

8. Гербарій Университета заключаетъ 6542 вида растеній, въ 10.497 экземплярахъ, на сумму 5473 р. 50 к. ассигнаціями.

9. Въ Химической Лабораторіи находится 1200 номеровъ снарядовъ и разныхъ посудъ, на 1000 р. ассигнаціями.

10. Въ Геодезическомъ Кабинетъ состоитъ 29 инструментовъ на 402 р. ассигнаціями.
11. Въ Кабинетъ машинъ и моделей состоитъ 368 предметовъ механическихъ и агрономическихъ, цѣною примѣрно на 5341 р. 86 к. ассиг.
12. Въ Архитектурномъ Кабинетъ находится моделей и инструментовъ 351, на сумму 2699 р. 40 к. ассиг., и архитектурныхъ чертежей 4957 листовъ, на 1020 р. 70 к. ассигнаціями.
13. Въ собраніи художественныхъ произведеній, именно: въ Живописномъ отдѣленіи находится 874 рисунка; въ Скульптурномъ 448 предметовъ, и въ Гравировальномъ 1777, всего 3099 штукъ, примѣрно цѣною на 10.607 р. 21 к. ассигнаціями.
14. Въ Астрономическомъ Кабинетъ считается 48 снарядовъ и инструментовъ, цѣною на 19.029 р. ассигнаціями.
15. Въ Музеѣ Кіевскихъ древностей числится 122 предмета, болѣе или менѣе замѣчательныхъ по своей древности.
16. Типографія Университета получила въ прошедшемъ году весьма значительное приращеніе, на сумму 11.032 р. ассиг. въ шрифтахъ и ин-

струментахъ, поступившихъ въ нее изъ уступленной, по распоряженію Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, бывшей въ г. Полоцкѣ, Піарской Типографіи; сверхъ того, по распоряженію Университетскаго Начальства, выписано для Типографіи Университета Св. Владиміра значительное количество новѣйшихъ шрифтовъ литтеръ и печатный станокъ съ принадлежностями лучшаго устройства на сумму 6074 р. На содержаніе Типографіи въ теченіи года употреблено 6372 р., а за печатаніе въ оной книгъ и разныхъ мелкихъ произведеній выручено 7849 р. 52 к. ассиг.

17. Вновь открытая при Университетѣ Литографія, по утвержденіи Г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія штата на содержаніе оной по 3355 р. ассиг. въ годъ, и смѣты единовременнымъ расходамъ на первоначальное устройство ея до 2706 р. ассиг., приведена была въ концѣ истекшаго 1838 года въ состояніе производить съ успѣхомъ заказываемыя въ ней работы.

Доходы Университета въ истекшемъ году простирались всего, по установленнымъ курсамъ на ассигнаціи, до 269.926 р. 39 коп.

Какъ новыя Университетскія зданія еще не приведены къ окончанію въ постройкѣ, то Университетъ Св. Владиміра помѣщается нынѣ въ

нѣсколькихъ частныхъ домахъ; на наемъ ихъ въ истекшемъ году употреблено 24.305 р. 40 к. ассиг., и сверхъ того на необходимыя починки и исправленія ихъ израсходовано до 2786 р. 90 к. ассиг.

Р ъ Ч ъ

О важности изученія древней Греческой
словесности,

сочиненная

Ординарнымъ Профессоромъ
Гвейкхирхомъ.

ММ. ГГ.

Мы празднуемъ нынѣ тотъ достопамятный день, въ который, по милости Августѣйшаго Монарха нашего, новый блескъ озарилъ эту древнюю столицу Русскаго народа: ровно за пять лѣтъ, въ день, посвященный памяти Св. Равноапостольнаго Князя Владиміра, совершилось здѣсь открытіе новаго Университета, украшеннаго именемъ сего Просвѣтителя Россіи. Это событіе, составляющее эпоху въ лѣтописяхъ города, въ которомъ мы жительствоуемъ, есть достопримѣчательный шагъ на пути просвѣщенія Русскаго народа и не можетъ быть мало важнымъ для человѣчества вообще. Ибо полное благо человѣчества зависитъ отъ просвѣщенія, разливаемаго науками. Но если вліяніе наукъ благотворно и тогда, когда онѣ

изучаются отдѣльно; то еще благотворнѣе дѣйствуютъ онѣ, какъ составныя части одного цѣлаго, въ ихъ соединеніи и связи, когда онѣ взаимно служатъ другъ для друга подпорою. Такое соединеніе наукъ представляетъ Университетъ, который на землѣ, какъ солнце въ системѣ міра, распространяетъ свѣтъ, теплоту и жизнь въ даль неизмѣримую. Поступающіе въ Университетъ, одаренные нужными качествами, юноши озаряются здѣсь новымъ свѣтомъ вѣдѣнія и согреваются чувствомъ ко всему доброму и прекрасному. Украсивъ и обогативъ такимъ образомъ свой умъ познаніями, облагородивъ свое сердце, они получаютъ возможность вести жизнь, истинно достойную человека, и, оставляя святилище наукъ, уносятъ съ собою зародышъ благосостоянія, который даетъ новые плоды въ обширныхъ пространствахъ умственной и нравственной жизни.

Въ день столь важный и незабвенный я осмѣливаюсь обратить Ваше вниманіе особенно на важность одной науки, преподаваемой въ Университетахъ, — на важность изученія Греческой классической древности, преимущественно же литературныхъ ея памятниковъ, до насъ дошедшихъ.

Всѣ науки, составляющія предметъ общаго человеческого познанія, могутъ быть раздѣлены на два разряда: одни изъ нихъ имѣютъ непосред-

ственное отношеніе къ практическимъ цѣлямъ и выгодамъ человѣка, другія доставляютъ ему пользу только посредственнымъ образомъ. Такъ, Законо-
вѣдѣніе, Медицина и Математика относятся къ первому разряду: въ спорномъ случаѣ законовѣ-
децъ указываетъ законъ, рѣшающій недоумѣніе; опытный врачъ изцѣляетъ одержимаго болѣзнію, или облегчаетъ его недуги; математикъ опредѣ-
ляетъ неизвѣстныя величины. Напротивъ Фило-
софія или Исторія не приносятъ человѣку столь очевидныхъ выгодъ, какъ бы ни были послѣдо-
вательны и глубоки умозрѣнія философствующаго мыслителя, и сколько бы ни были обширны свѣдѣ-
нія историка. И потому науки, имѣющія тѣсную связь съ практической жизнію, не нужно бываетъ особенно одобрять; ибо каждый легко убѣждает-
ся въ важности ихъ. Напротивъ отдаленная польза другаго разряда наукъ заставляетъ многихъ не только забывать ихъ необходимость, но даже считать ихъ излишними. Не смотря на это, науки, не имѣющія непосредственнаго приложенія къ практической жизни, занимаютъ важнѣйшее мѣ-
сто въ ряду человѣческихъ знаній. Къ числу та-
кихъ принадлежитъ между прочими и Исторія
человѣчества. Въ самомъ дѣлѣ, если человѣкъ
всегда имѣетъ безусловное достоинство для чело-
вѣка, то и наука, предметомъ которой есть самъ
человѣкъ, имѣетъ безусловное достоинство. На-
противъ Медицина, напримѣръ, потеряла бы
свою важность и перестала бы существовать,

какъ Медицина, еслибъ никто не нуждался въ ея пособіяхъ. И такъ важность Всеобщей Исторіи состоитъ не въ томъ преимущественно, что примѣры благоразумныхъ и безразсудныхъ, добрыхъ и злыхъ дѣяній и ихъ послѣдствій, и вообще всѣхъ происшествій, ею представляемыхъ, будучи приняты въ соображеніе, иногда могутъ служить руководствомъ для насъ въ нашихъ дѣйствіяхъ и предпріятіяхъ; нѣтъ: важность ея заключается въ ней самой. Часть Всемирной Исторіи, понимаемой въ обширнѣйшемъ смыслѣ, составляетъ Филологія, обнимающая знаніе Греческой и Римской древности и изученіе обоихъ языковъ, такъ что изученіе Греческой древности составляетъ одну половину Филологіи. И потому если Исторія имѣетъ безусловную важность для рода человѣческаго, то и Филологія должна имѣть такую же важность, какъ составная часть ея, а равно и Греческая древность, какъ часть Филологіи. Причина, по которой Филологія сдѣлалась предметомъ особой науки, имѣющей свои отдѣлы и подраздѣленія, заключается въ преимущественной важности этой отрасли исторіи. Ибо не всѣ произшества и не всѣ народы, хотя всѣ входятъ въ составъ бытописанія, понимаемаго въ обширнѣйшемъ смыслѣ, имѣютъ равную важность для потомства; среди безчисленнаго множества событій могутъ имѣть всеобщій интересъ только такія, которыя болѣе прочихъ способны изобразить чело-вѣка со всею отчетливостію, и которыхъ вліяніе

было значительно для человечества; изъ народовъ преимущественное участіе возбуждаетъ въ насъ тотъ, къ которому мы принадлежимъ сами, и тотъ, среди котораго явилась наша религія. Исторія другихъ народовъ заслуживаетъ наше вниманіе по мѣрѣ большаго или меньшаго развитія ихъ умственной и нравственной жизни. Такъ исторія Индіи и Египта несравненно важнѣе исторіи Нумидіи. Но ни одинъ древній народъ, котораго слѣды сохранило намъ бытописаніе, не достигъ такой степени совершенства въ своемъ развитіи, какъ Греки и Римляне. Можно сказать, что если бы кругъ дѣйствія ихъ ограничивался только временемъ ихъ существованія, то и тогда бы они, занимая блистательнѣйшее мѣсто въ завѣтной книгѣ рода человѣческаго, были достойны особаго вниманія нашего. Но они жили не для своего только времени; они, сильно подѣйствовавъ на потомство, живутъ еще и теперь въ образцовыхъ твореніяхъ своихъ, какъ литературныхъ, такъ и художественныхъ, и достойны того, чтобы мы изучали и уважали ихъ, какъ отдѣльное цѣлое историческаго знанія. Въ какой степени сказанное мною можетъ быть отнесено къ Римскому народу, отдѣльно взятому, рѣшеніе этого вопроса выходить изъ предѣловъ предположенной мною цѣли; мы ограничиваемся Греками.

Греки послѣ того, какъ сами прошли періодъ цвѣтущаго состоянія, были три раза виновниками

высшаго умственного и художественнаго развитія у другихъ народовъ: Римляне, Аравитяне и новѣйшія Европейскія племена попеременно были имъ обязаны своимъ образованіемъ. Пять столѣтій существовало уже Римское государство, и, не смотря на успѣшное развитіе его политики, не смотря на устройство внутренняго его управленія и усовершенствованія военнаго искусства, оно еще не имѣло національной литературы. Начало ея относится къ тому времени, когда Римляне завоевали страны Южной Италіи, гдѣ были Греческія Колоніи. Первый Латинскій писатель былъ Грекъ. Въ послѣдствіи времени, въ особенности же по завоеваніи Греціи, Римляне ближе познакомились съ науками и искусствами Грековъ, и, руководимые Греческими образцами, произвели сами творенія, которымъ просвѣщенный міръ въ теченіи восемнадцати столѣтій платитъ дань удивленія, хотя относительно богатства и совершенства своихъ произведеній они вообще уступаютъ Грекамъ.—Аравитяне,—народъ грубый и наѣздническій,—распространивъ свои завоеванія въ странахъ, гдѣ еще существовало просвѣщеніе древнихъ Грековъ, какъ то: въ Сиріи и Египтѣ, сами стали обнаруживать благородное стремленіе къ умственному образованію: они тщательно изучали и переводили на собственный языкъ произведенія Греческихъ писателей, основывали въ Азій, Африкѣ и Европѣ высшія и нижшія Училища, Библіотеки, Обсерваторіи и другія за-

веденія, способствующія успѣхамъ наукъ, и скоро, создавъ собственныя оригинальныя произведенія, достигли въ наукахъ и искусствахъ такого совершенства, какого не имѣлъ ни одинъ народъ того времени. Такъ было въ восьмомъ и послѣдующихъ вѣкахъ. Медленно шло тогда впередъ просвѣщеніе въ тѣхъ странахъ Европы, въ которыя не успѣло проникнуть оружіе Сарациновъ; и хотя съ двѣнадцатаго столѣтія основаніе высшихъ учебныхъ заведеній въ Италіи, Франціи, Англіи, Испаніи, Португалліи, Германіи ускорило полетъ образованности, однакожь періодъ всеобщаго необыкновеннаго развитія умственной жизни народовъ нынѣшней Европы относится къ тѣмъ временамъ, когда орды Турокъ, опустошивъ Восточную Имперію и взявъ Константинополь, принудили ученыхъ Грековъ, искать убѣжища въ сосѣдственныхъ державахъ Европы, преимущественно же въ Италіи. Тогда-то Западная Европа познакомилась съ образцовыми произведеніями Греческой литтературы, и умственная дѣятельность въ ней, получивъ новое направленіе, новую форму, сдѣлалась столь всеобщою, что время это извѣстно подъ названіемъ періода возобновленія наукъ и искусствъ въ Европѣ. Такъ сильно было вліяніе Греческаго просвѣщенія на развитіе умственной жизни цѣлыхъ народовъ!

Для потомковъ самихъ тѣхъ Грековъ, которые, сдѣлались вѣковыми наставниками челоѣчества,

оставшіяся имъ въ наслѣдство сокровища предковъ имѣли по крайней мѣрѣ то благотворное вліяніе, что, при всѣхъ превратностяхъ судьбы, не допустили ихъ погрузиться въ невѣжество. Съ того времени, какъ ученость переселилась изъ Александріи на берега Босфора, Византія оставалась на долгое время средоточіемъ утонченнаго вкуса, столицею любознательности и изящныхъ художествъ. Исторія просвѣщенія представляетъ намъ значительное число Греческихъ писателей, принадлежащихъ періоду существованія Восточной имперіи, которые, хотя и не отличаются художественной отдѣлкой своихъ произведеній, но въ другихъ отношеніяхъ весьма важны и примѣчательны. Даже во время паденія Царяграда было много еще ученыхъ мужей, которые могли переселиться съ развалинъ своего отечества на гостепріимное лоно Запада. Сверхъ этого, оставшіеся на родинѣ оплакивать утрату ея независимости, успѣли сохранить драгоцѣннѣйшее наслѣдіе предковъ своихъ, умственное образованіе: перечитывая и изучая произведенія предковъ, они находили отраду въ горестной участи своей, и сдѣлались способными создать собственную народную литературу на языкъ Новогреческомъ.

Не менѣе благотворно дѣйствовало и дѣйствуетъ понынѣ изученіе Греческой литературы и въ остальной Европѣ. Всѣ науки, со времени ихъ возстановленія, сдѣлали чрезвычай-

ные успѣхи, и великія народныя литтературы, украшенныя блистательнѣйшими произведеніями ума человѣческаго, получили свое начало; и однакоже, кто подумаетъ, что настало уже время, когда можно бросить Греческія творенія, какъ переработанныя уже въ новѣйшихъ сочиненіяхъ и исчерпанныя? Читая Гомера, жившаго за три тысячи лѣтъ, удивляются ему и нынѣ, какъ первому и совершеннѣйшему изъ эпическихъ поэтовъ; у Пиндара никто не дерзаетъ оспаривать вѣнца лирическаго поэта; Софокль почитается совершеннѣйшимъ трагикомъ; въ комическомъ родѣ даютъ первое мѣсто Аристофану; идилліи Теокрита прославляются какъ милые образцы описательной поэзіи; историкъ, говорятъ, если хочетъ быть великимъ, долженъ сравниться съ Фукидидомъ; кто хочетъ отличиться въ діалогахъ, тому совѣтуютъ взять за образецъ Платона, въ которомъ, сверхъ того, столько же удивляются богатой фантазіи и возвышеннымъ мыслямъ, сколько въ Аристотель остроумію, тонкой наблюдательности и всеобъемлющей учености; если хотятъ наиболее похвалить оратора, то сравниваютъ его съ Демосфеномъ; Лукіана почитаютъ пріятнѣйшимъ сатирикомъ. Правила Піитики, Реторики, Метрики извлекаются по большей части изъ произведеній Греческихъ писателей. Мужи, которые достигли высшей степени совершенства въ своей наукѣ, и для которыхъ знаніе Греческой литтературы составляетъ только вспомога-

тельное средство при обработываніи ихъ собственнаго предмета, считаютъ небезполезнымъ, посвятить нѣсколько лѣтъ жизни своей изученію одного только Греческаго писателя, какъ напримѣръ теологъ Шлейермахеръ и философъ Кузенъ большою частію жизни своей пожертвовали изученію Платона. Писатели, которыхъ признають корифеями усовершенствованной народной литературы, изучаютъ Греческую словесность съ такимъ рвеніемъ, какъ будто бы знаніе оной составляло неперемѣнное условіе ихъ величія, какъ это дѣлали Гёте и Шиллеръ. Такимъ же образомъ и знатоки въ пластическомъ искусствѣ утверждаютъ, что остатки памятниковъ Греческой архитектуры и рѣзьбы доставляютъ художникамъ этого рода славнѣйшіе образцы для подражанія. Чѣмъ болѣе, вообще, распространено просвѣщеніе въ какой либо землѣ, тѣмъ съ большимъ рвеніемъ предаются тамъ изученію Греческаго языка и вообще Греческой древности, какъ въ Англіи или въ Германіи. Въ Германіи, странѣ основательной учености, смотрятъ на знаніе Греческой литературы, соединенное съ знаніемъ Римской, какъ на необходимую основу всѣхъ ученыхъ занятій. Въ Англіи, гдѣ во всемъ видна основательность, дѣлается тоже самое еще въ большей мѣрѣ: тамъ не только изученіе классической древности составляетъ главный предметъ занятія людей, посвящающихъ себя учености, и притомъ съ употребленіемъ на это еще

большаго времени, нежели въ Германіи, но знаніе оной почитается сверхъ того надежнѣйшимъ средствомъ, сдѣлаться способнымъ участвовать въ дѣлѣ государственнаго правленія. — И такъ, принимая во вниманіе удивительное вліяніе образованности Грековъ на просвѣщеніе человѣчества, и то высокое уваженіе, которое и теперь еще имѣютъ къ ней просвѣщенные люди, нельзя не убѣдиться въ неоспоримомъ ея достоинствѣ. Послѣ сего остается еще только опредѣленнѣе показать, въ чемъ состоитъ это достоинство ея относительно литтературы.

Что вообще науки, особенно же математическія и естественныя, въ послѣднихъ столѣтіяхъ достигли гораздо высшей степени совершенства, нежели на какой онѣ находились у древнихъ Грековъ, это не подлежитъ сомнѣнію; но корень почти всѣхъ наукъ находимъ мы у Грековъ, и слѣдовательно только при совершенномъ знаніи Греческаго міра можемъ имѣть полную исторію наукъ, которая, какъ составная часть всемірной исторіи, имѣетъ значительную важность не только въ особенности для ученыхъ, но и вообще для рода человѣческаго. Ибо для насъ любопытно и поучительно знать не только походы, какіе предпринимались были тѣмъ или другимъ народомъ, войны, какія вели они между собою, и побѣды, какія они одерживали надъ другими народами; но еще болѣе любопытно и поучительно для насъ знать,

какіе успѣхи сдѣлалъ тотъ или другой народъ въ развитіи умственной своей жизни. Да и всеобщая исторія человечества безъ Греческой словесности лишилась бы самой значительной и самой любопытной отрасли своей: ибо изъ Греческихъ источниковъ почерпается почти вся исторія древняго міра, и часть исторіи среднихъ вѣковъ. — Но и для тѣхъ наукъ, которыя имѣютъ большее число любителей, въ Греческой литтературѣ находится и понынѣ еще много существенно важнаго. Образованный врачъ еще и теперь заглядываетъ въ Гиппократата и находитъ въ наблюденіяхъ его много поучительнаго. Законовѣдецъ находитъ на Греческомъ языкѣ, кромѣ нѣкоторыхъ, менѣе примѣчательныхъ сочиненій, еще обширныя собранія законовъ гражданскихъ и церковныхъ, которые, бывъ обязаны своимъ происхожденіемъ различнымъ обстоятельствамъ общественной жизни, для него поучительны, и теперь еще могутъ быть примѣняемы къ подобнымъ случаямъ, и кромѣ того служатъ къ разумнѣнью важныхъ древнихъ Римскихъ уложеній. Вообще завѣтная книга правовѣдца, *Corpus juris civilis*, тогда только можетъ быть во всѣхъ частяхъ для него доступна, когда онъ успѣетъ познакомиться съ языкомъ и древностями Греческаго народа: ибо, чтобы вполне понимать *Corpus juris*, необходимо знать Римскую древность вообще, которая находится въ тѣснѣйшей связи съ Греческою, и большая часть которой не можетъ

быть понимаема безъ Греческихъ источниковъ. Сверхъ сего въ *Corpus juris* находится множество мѣстъ на Греческомъ языкѣ, и безъ знанія Греческаго языка нельзя имѣть совершенно точнаго понятія и о Латинскомъ. Что же теперь сказать о Богословѣ? Богословъ не можетъ обойтись безъ знанія Греческаго языка; знаніе этого языка есть существенная, необходимая принадлежность Богослова. На Греческомъ языкѣ передана намъ важнѣйшая часть Священнаго Писанія, новый завѣтъ; на этомъ языкѣ дошелъ до насъ переводъ и другой части его, ветхаго завѣта, составленный въ первыя времена существованія Эллино - Египетскаго царства, — этотъ важный вспомогательный источникъ къ уразумѣнію какъ самаго подлинника, такъ и новаго завѣта по отношенію къ его языку, смѣшенному съ гебраизмами; на этомъ же языкѣ написана значительная часть Церковной Исторіи, Еврейскихъ и Христіанскихъ древностей; вообще на немъ много писано поучительнаго, относящагося къ Христіанской вѣрѣ.

Впрочемъ сколько бы ни были для насъ полезны сочиненія древнихъ Грековъ, какъ вспомогательное средство къ пріобрѣтенію разнородныхъ познаній, но несравненно высшее достоинство имѣютъ они, если разсматривать ихъ какъ изящныя произведенія утонченнаго вкуса: въ этомъ отношеніи древнихъ Грековъ до сихъ поръ нельзя

было превзойти, и, можетъ быть, никогда нельзя
 будетъ превзойти. Ибо искусство отличается отъ
 науки. Наука есть наслѣдство, которое предки
 передаютъ потомкамъ, и одного новаго открытія,
 одного изобрѣтенія достаточно для того, чтобы
 она сдѣлала шагъ впередъ. Потому-то новымъ
 Европейскимъ племенамъ и возможно было, съ
 теченіемъ времени, довести науки, завѣщанныя
 имъ Греками, въ нѣкоторыхъ отрасляхъ, до той
 степени совершенства, о которой древніе Греки
 и думать не могли. Искусство напротивъ того не
 можетъ быть передаваемо: если въ области иску-
 ства раждается превосходный талантъ, то онъ,
 вспомошествоемый временемъ и обстоятельствами,
 тотчасъ возносится на высоту, которой другіе не
 легко могутъ достигнуть. Такъ, Данте и Шекспиръ
 явились среди мрака своего времени, и, какъ
 блестящіе метеоры, напрасно простираютъ взоръ
 въ даль временъ, ожидая, не присоединится ли
 къ нимъ кто либо изъ потомковъ; такими же
 лучами славы сіяютъ и Микель-Анжело Буона-
 роти и Рафаэль-Урбино. Никто до нынѣшнихъ
 временъ не былъ въ состояніи совершенно усвоить
 себѣ ихъ искусства, никто не могъ пополнить его
 и такимъ образомъ привести къ высшей степени
 совершенства. И такъ, хотя родъ человѣческой
 вообще, по видимому, дѣлаетъ успѣхи въ просвѣ-
 щеніи, мы не должны удивляться, что народъ, жив-
 щій болѣе нежели за двѣ тысячи лѣтъ, вспомоше-
 ствуемый счастливыми умственными способно-

стями, прекраснымъ устройствомъ тѣла, яснымъ небомъ, прелестными видами мѣстоположенія, религіею, государственнымъ правленіемъ и другими благопріятствующими обстоятельствами, создалъ образцы изящества, которые, если позволено заключать по прошедшему, будутъ имѣть всегдашнюю цѣну, потому что тысячелѣтія опредѣлили ихъ достоинство. И это всеобщее согласіе людей относительно достоинства Греческихъ образцевъ важнѣе всего, что только можетъ быть сказано въ похвалу ихъ. Вкусъ одного народа и одного столѣтія можетъ быть испорченъ: иногда людямъ нравится искусственность, иногда—странное, иногда—излишество. Но если всѣ образованные народы различныхъ столѣтій признаютъ что либо прекраснымъ, то это или вовсе не имѣетъ для себя мѣрила, или въ самомъ дѣлѣ есть нѣчто прекрасное. Конечно, въ теченіи времени являлись и порицатели Греческихъ и Римскихъ классиковъ, такъ точно, какъ и превосходные таланты новѣйшихъ временъ не остались безъ завистниковъ, которые старались унижить ихъ достоинство. Но хулы и порицанія еще болѣе возвысили достоинство Греческихъ и Римскихъ классиковъ, заставивши точнѣе изслѣдовать, въ самомъ ли дѣлѣ принадлежатъ имъ тѣ качества, которыя мы въ нихъ цѣнимъ и уважаемъ: дѣйствительно ли принадлежатъ, на примѣръ, пареніе Пиндару, возвышенность Эсхилу, мудрость Эврипиду, прес-стота и пріятность Геродоту, и въ чемъ состоятъ

достоинства тѣхъ и другихъ писателей. Послѣ такого изслѣдованія Греки ни мало не утратили того уваженія, какимъ они дотолѣ пользовались.

Между тѣмъ было бы ослѣпленіемъ — думать, что народы новаго міра не въ состояніи указать намъ у себя такихъ писателей, которые бы могли занять почетное мѣсто между древними писателями: такъ, Итальянцы имѣютъ Данте, Петрарку, Аріоста, Тасса, Боккачіо; Французы — Рабелэ, Мольера; Испанцы — Сервантеса, Кальдерона; у Англичанъ есть Шекспиръ и Байронъ, у другихъ народовъ — другія знаменитыя лица, при воспоминаніи о коихъ они благоговѣютъ. Но какъ Клопштокъ не отнимаетъ у Мильтона его достоинствъ, или наоборотъ Милтонъ у Клопштока; какъ для Шиллера никто не станетъ унижать Корнеля, и наоборотъ: то по этому Данте можетъ стоять мирно подлѣ Гомера, Шекспиръ подлѣ Софокла и Аристофана, и вообще всѣ древніе и новые могутъ стоять другъ подлѣ друга, всякой — съ своими собственно ему принадлежащими достоинствами. Слишкомъ безразсудно мы лишились бы драгоцѣннѣйшихъ произведеній духа человѣческаго, если бы для однихъ стали пренебрегать другими.

Не должно также полагать, что можно обойтись безъ изученія Греческаго языка, какъ скоро всѣ Греческіе писатели переведены будутъ на

новые языки. Думая такимъ образомъ, надлежало бы по крайней мѣрѣ не упускать изъ вида, что переводы должны быть совершенно вѣрны и точны, и что преимущественно изящныя произведенія, при переводѣ ихъ, нисколько не должны терять своихъ первоначальныхъ прекрасныхъ формъ; но доселѣ еще ни одинъ переводчикъ древнихъ не удовлетворилъ вполне симъ требованіямъ. Переводы, которые мы называемъ лучшими, какъ напр. Фоссовъ переводъ Гомера, всегда относятся къ своимъ подлинникамъ, какъ рисунокъ къ природѣ, въ которой все выражается чище и яснѣе, чѣмъ въ рисункѣ. Но положимъ, чего впрочемъ по причинѣ богатства Греческаго языка, разнообразія его формъ и множества частицъ, которымъ соотвѣтствующихъ не находимъ ни въ одномъ языкѣ, нельзя допустить, — положимъ, что мы въ состояніи сдѣлать переводы, которыми бы вполне замѣнились существующіе нынѣ подлинники. Послѣ этого, оставивъ безъ вниманія критику ихъ текста, что было бы необходимымъ слѣдствіемъ употребленія однихъ только переводовъ, — мы бы преградили путь нашимъ успѣхамъ въ познаніи ихъ, и слѣдовательно въ познаніи вообще, и, какъ изученіе языка должно было бы прекратиться, то мы не были бы уже въ состояніи уразумѣть того, что отъ времени открывается вновь изъ памятниковъ Греческой письменности. Но если бы это и почтено было маловажнымъ, хотя легкомысленное стѣсне-

ніе круга своихъ познаній ни въ какомъ случаѣ не можетъ считаться маловажнымъ, и многіе ученые доселѣ еще занимаются очищеніемъ Греческихъ текстовъ отъ поврежденія, причиненнаго имъ небрежностію или невѣжествомъ переписчиковъ, или происшедшаго отъ другихъ какихъ либо причинъ; то должно замѣтить, что и самыя лучшіе переводы, наконецъ, не послужили бы намъ ни къ чему: ибо живые языки подвержены безпрестанному измѣненію, по чему переводы могутъ со временемъ устарѣть, сдѣлаться негодными къ употребленію и мало вразумительными, такъ что надобно будетъ составлять новыя, и по такимъ текстамъ, которые необходимо будутъ уступать первоначальнымъ подлинникамъ, т. е. по переводамъ.

Но, не говоря уже о томъ, что Греческій языкъ есть ключъ къ отличнѣйшимъ произведеніямъ чловѣческаго духа, мы должны еще замѣтить, что онъ, сверхъ общаго ему со всѣми языками достоинства, — быть собственнѣйшимъ отраженіемъ чловѣческаго духа, — имѣетъ достоинство, ему одному свойственное: онъ есть важнѣйшій членъ въ великомъ семействѣ языковъ, къ которому принадлежитъ большая часть Европейскихъ языковъ, именно: Латинскій съ происходящими отъ него, Германскій и Славянскій съ ихъ отраженіями. Всѣ эти языки или посредствомъ Греческаго достигли высшаго своего образованія, или

дѣлаются совершенно понятными только съ помощію его, или по образцу его могутъ быть еще болѣе усовершеняемы. И такъ изученіе Греческой словесности, къ которой съ особенною пользою присоединяютъ сродную ей Римскую, составляетъ самое лучшее средство образованія для тѣхъ, которые желаютъ съ успѣхомъ трудиться на поприщѣ умственной дѣятельности вообще. Ибо вообще, что лучше можетъ образовать человѣка, какъ не отличнѣйшія произведенія умственнаго совершенства, выраженныя въ изящнѣйшихъ формахъ? Всѣ другія средства образованія односторонни, хотя впрочемъ нельзя не признать важности и пользы главнѣйшихъ живыхъ языковъ, Всеобщей Исторіи, Математики и особенно Философіи. Изученіе новѣйшихъ языковъ болѣею частію упражняетъ одну только память; чтобъ надлежащимъ образомъ воспользоваться историческими фактами, для этого потребенъ особенно образованный умъ; Математика, хотя сообщаетъ навыкъ къ строгому, постоянно изъ началъ развивающемуся мышленію, но, занимаясь ею исключительно, мы приводимъ свой духъ въ какое то оцѣпененіе и дѣлаемъ его нечувствительнымъ къ другимъ предметамъ, лежащимъ внѣ ея круга. Болѣе общее образованіе доставляетъ Философія: она упражняетъ нашу способность составлять точныя понятія, изоощряетъ силу сужденія, усиливаетъ способность находить основанія, выводитъ слѣдствія изъ нихъ, и вообще пріучая къ отчет-

ливому, систематическому мышлению, сообщает нашимъ представлѣніямъ особенную ясность. Несмотря на то, Философія, при нынѣшнемъ состояніи ея, можетъ послужить предметомъ занятія только для ума, болѣе развитаго, между тѣмъ какъ Греческій языкъ и литература имѣютъ свое примѣненіе ко всемъ возрастамъ и способностямъ, и не менѣе Философіи развивая силы духа нашего, вмѣстѣ съ тѣмъ представляютъ намъ существенное содержаніе.— Греки ни у кого не заимствовали своего образованія, и если и воспользовались чѣмъ либо чужимъ, то весьма незначительно въ сравненіи съ тѣмъ, что они приобрѣли собственными усиліями: они развивались самостоятельно, и такое естественное развитіе ихъ выразилось въ ихъ произведеніяхъ, относящихся къ Философіи. Здѣсь ничто не предполагается уже извѣстнымъ и потому ничто не оставляется безъ вниманія: Грекъ начинается съ самаго обыкновеннаго, общеизвѣстнаго, и постепенно восходитъ къ рѣшенію труднѣйшихъ задачъ, такъ, что всякій здравый, хотя и необразованный умъ, при надлежащемъ вниманіи, можетъ легко слѣдовать за нимъ; да и самый образованный безпрестанно побуждается къ размышленію, и изъ строгаго метода и изящной формы можетъ извлечь для себя величайшую пользу. Доказательства этому можно найти въ произведеніяхъ Платона. Гомеръ занимаетъ отроки своими россказами о чудесныхъ событіяхъ; мужъ узнаетъ

изошряемъ силу сужденія, доставляемъ пищу своему остроумію. Приводя такимъ образомъ въ дѣйствіе различныя способности нашего духа, дѣлая столь много соображеній и прибѣгая къ столь многимъ познаніямъ для уразумѣнія ка-кого либо Греческаго писателя, мы привыкаемъ къ тщательности и основательности въ мышле-ніи и дѣйствіи. Эта же самая трудность скорого уразумѣнія писателей причиною того, что мы, поступая медленно впередъ, болѣе знакомимся съ ихъ содержаніемъ и формою, чѣмъ сколько бы мы стали знакомиться съ ними тогда, когда бы они представляли намъ менѣе затрудненій. Толь-ко такого рода чтеніе полагаетъ твердое основа-ніе всякому историческому познанію, и доставляетъ намъ множество мудрыхъ практическихъ пра-вилъ, которыми такъ богаты Греческіе писатели, какъ мужи, большею частію образовавшіе себя для практической жизни и подвизавшіеся въ оной; только оно обогащаетъ и оживляетъ нашу фан-тазію умственнымъ воспроизведеніемъ изобража-емыхъ предметовъ; посредствомъ его мы науча-емся, какъ должно поступать при изслѣдованіи и представленіи предметовъ, какъ отличать су-щественное отъ несущественнаго, и такимъ об-разомъ, обращая при обзоръ частей особенное вниманіе на самое важное, достигать ясности и отчетливости. Наконецъ, разлагая на состав-ныя части образцы изящнаго, вникая въ устрой-ство и сущность ихъ, мы образуемъ свой вкусъ

вообще и преимущественно въ отношеніи къ языку и употребленію онаго. Ибо, будучи равно далекъ какъ отъ жесткостей Нѣмецкаго или Русскаго языка, такъ и отъ слишкомъ большой мягкости Итальянскаго, и не оканчивая ни одного слова неопредѣленнымъ звукомъ въ словахъ, подобно языкамъ Англійскому или Французскому, и полагая удареніе тамъ, гдѣ оно производитъ самое большее дѣйствіе безъ малѣйшаго напряженія голоса, древній Греческій языкъ не только благозвучнѣе всѣхъ новыхъ Европейскихъ языковъ и кромѣ того богаче ихъ формами глагола, частицами, грамматическими фигурами, способными выражать различныя оттѣнки мыслей, и гибкостию въ произведеніи и сложеніи многообразныхъ словъ; но, сверхъ того, онъ былъ употребляемъ писателями такимъ образомъ, что мы изъ того можемъ научиться, какъ должно при-мѣнять языкъ къ различнымъ родамъ изложенія. Такъ, у Грековъ было много діалектовъ, изъ которыхъ четыре употребляемы были въ письменныхъ произведеніяхъ, именно: Іоническій, Дорическій, Эолійскій и Аттичскій. Первый изъ нихъ самый нѣжный, Дорическій и Эолійскій тверже и торжественнѣе, Аттичскій занимаетъ средину между Іоническимъ и двумя остальными. Въ Эпическихъ сочиненіяхъ употребляли всѣ, Іоняне и не Іоняне, Іоническій діалектъ, такъ какъ этому роду поэзіи свойственны нѣкотораго рода просторъ и говорливость; точно так-

же діалектъ этотъ былъ употребляемъ въ сочиненіяхъ историческихъ, когда дѣяніе еще было близко къ Эпической поэзіи, отъ которой оно произошло. Дорическій и Эолійскій діалекты составляли достояніе поэзіи при изліяніи серьезныхъ чувствъ; напротивъ веселая любовь и вино воспѣваемы были на легкомъ Ионическомъ нарѣчій. Утонченный Аттичскій діалектъ особенно свойственъ былъ сочиненіямъ собственно историческимъ, также витійству, ученымъ разсужденіямъ и драматической поэзіи. Однакожъ лирическія мѣста въ драматическихъ произведеніяхъ, даже Аттичскихъ писателей, становились торжественнѣе посредствомъ примѣси формъ Дорическихъ, между тѣмъ какъ діалогъ оставался всегда чисто Аттичскимъ. И какъ при употребленіи діалектовъ тщательно и осторожно приступали къ дѣлу, то вообще наблюдали, чтобы языкъ былъ всегда естественный и соотвѣтствовалъ предмету сочиненія. Какъ напр. въ обыкновенномъ разговорѣ мы часто начинаемъ предложеніе одною конструкціей, и потомъ, преслѣдуя только мысль и забывая прежде сказанная слова, оканчиваемъ другою конструкціей; такъ и древніе Греки подражали этому въ приличныхъ мѣстахъ, дабы остаться вѣрными природѣ и въ письменныхъ своихъ произведеніяхъ. И какъ достойны они удивленія въ изобрѣтеніи самыхъ разнообразныхъ размѣровъ стиха и въ употребленіи этихъ размѣровъ! Рѣчь ихъ всегда соотвѣтствуетъ со-

держанію: чѣмъ сильнѣе потрясеніе, чѣмъ большая измѣнчивость чувства, тѣмъ быстрѣе, тѣмъ разнообразнѣе рѣемы.

Многое также отъ Грековъ наслѣдовали Римляне, и потому достойны быть изучаемы вмѣстѣ съ ними; но замѣнить ихъ они никогда не могутъ. Принять же новыхъ писателей, какъ средство всеобщаго образованія на мѣсто Греческихъ и Римскихъ, чего и хотѣли уже нѣкоторые, невозможно потому уже, что уразумѣніе ихъ представляетъ гораздо менѣе трудностей, чѣмъ сколько нужно для того, чтобы различныя силы духа находили въ этомъ достаточное упражненіе; реальное же содержаніе ихъ, которое отчасти почерпнуто изъ древнихъ и посредствомъ ихъ дѣлается яснымъ, менѣе способно служить основою историческаго знанія. Польза, какую мы приобрьли бы отъ такой замѣны, была бы наконецъ только та, что вмѣсто Греческаго мы изучили бы какой нибудь новый языкъ. Но спрашивается еще, можетъ ли какой языкъ при ежедневномъ употребленіи его въ обществѣ образованныхъ людей (съ какою цѣлю по большей части изучаютъ новые языки) быть вообще болѣе примѣнительнымъ, нежели Греческій. Правда, для разговорной рѣчи древне-Греческій языкъ мало годится: но наши новые языки въ общей массѣ многое заимствовали изъ него, такъ что для всѣхъ ихъ онъ нерѣдко составляетъ средство къ

уразумѣнію того, что мы слышимъ или читаемъ на сихъ языкахъ, особенно въ отношеніи къ безчисленнымъ техническимъ выраженіямъ, которыя, такъ какъ Греческій языкъ есть истинная сокровищница знаковъ для новыхъ понятій, еще почти ежедневно умножаются. — И изъ опыта можетъ быть доказано, что тѣ, которые глубоко изучали древнихъ, имѣютъ болѣе основательности, нежели другіе, не изучавшіе древнихъ, — что они обладаютъ болѣе глубокимъ взглядомъ на сущность языковъ, знаютъ глубже свой отечественный, изустно и письменно выражаются плавнѣе и яснѣе, понимаютъ произведенія всеобщей словесности легче и полнѣе, правильнѣе судятъ о произведеніяхъ искусства, легче усвояютъ себѣ иностранные языки и другія познанія, и что вообще имъ болѣе, нежели всякому другому, доступны всѣ человѣческія познанія. Но, возразятъ мнѣ, есть люди, которые цѣлые годы трудились надъ изученіемъ Греческихъ писателей и при всемъ томъ не достигли той высоты совершенства, на которой стоятъ другіе мужи, едва знающіе только по имени Греческихъ писателей. Противъ этого замѣтимъ, что умъ и талантъ конечно могутъ совершенствоваться и оплодотворяться благо-разумными занятіями, но родиться отъ изученія Греческой литературы могутъ также мало, какъ и отъ другаго какого либо упражненія: на скудной почвѣ самыя лучшія сѣмена мало приносятъ плодовъ.

Если, послѣ сего, Греки были народъ, къ которому принадлежали мужи, каковы Ликургъ и Солонъ, Мильціадъ иThemistocle, Аристидъ и Сократъ, если у нихъ науки и искусства процвѣтали такъ, какъ ни у одного народа древняго міра: то исторія ихъ заслуживаетъ особенное вниманіе. Если ихъ искусство и науки были основаніемъ, на которомъ другіе народы возвысились до своей духовной образованности; если они составляютъ краеугольный камень, безъ котораго человѣчество стояло бы, вѣроятно, нынѣ на несравненно нижшей степени духовнаго развитія: то они заслуживаютъ, чтобъ мы имъ удивлялись и высоко уважали ихъ! Но если еще и теперь не возможна основательная ученость безъ знанія ихъ языка и литтературы; если они оставили намъ такія сочиненія и произведенія образовательнаго искусства, которыхъ донинѣ невозможно было превзойти въ совершенствѣ; если они, наконецъ, доставляютъ намъ самое дѣйствительное средство для гармоническаго развитія силъ нашего духа и надлежащаго его образованія: то они достойны того, чтобы мы съ величайшимъ рвеніемъ посвящали себя изученію памятниковъ ихъ жизни.

Но для Россіи Греки имѣютъ, кромѣ того, еще особенный интересъ. Если имя древней Греціи мы будемъ принимать въ обширнѣйшемъ значеніи, такъ что подъ этимъ именемъ будемъ разу-

мѣть и колоніи, то она простиралась даже внутрь нынѣшней Россіи: ибо берега Чернаго моря, включая сюда Таврической полуостровъ, были вокругъ заселены Греками. По этому древнѣйшая исторія Россіи совпадаетъ отчасти съ исторіею Греціи. Позднѣйшая исторія Руссовъ была соединена съ исторіею Грековъ въ продолженіи многихъ столѣтій, когда происходило постоянное сообщеніе между обоими народами; и когда начались такіа сношенія, Русь стала процвѣтать величественно, и если она въ умственномъ развитіи своемъ отстала на время отъ западной Европы, то это объясняется бѣдствіями, которыхъ никакая человѣческая мудрость не могла отвратить, которыя начались по смерти Ярослава и кончились послѣ паденія Греческой имперіи. Кромѣ различныхъ свѣдѣній, принесенныхъ ей вызванными изъ Греціи художниками и другими странствующими лицами, Россія одолжена Грекамъ своею Божественною Религіею, своею письменностію и образованіемъ своего книжнаго языка; она получила отъ Византіи двухъ изъ своихъ знаменитѣйшихъ Княгинь, Анну, супругу Св. Владиміра, и Софію, супругу Іоанна Великаго, освободителя отечества отъ Татарскаго ига. Появленіе послѣдней въ Россіи въ двойномъ отношеніи было для ней благотельно: посредствомъ множества послѣдовавшихъ за нею Грековъ Софія дѣйствовала на распространеніе полезныхъ свѣдѣній; посредствомъ же всеобщаго участія, которое возбуждала

она, какъ племянница послѣдняго Греческаго Императора, сдѣлалась она причиною того, что Россія болѣе познакомилась и сблизилась съ остальною Европой. Такимъ образомъ исторія Грековъ имѣетъ болѣе интереса для Русскаго народа, нежели для другихъ. Но также и знаніе Греческаго языка для Россіи имѣетъ донинѣ особенную важность: древнѣйшія извѣстія объ этомъ государствѣ и его обитателяхъ находятся у Греческихъ писателей, и часть позднѣйшей политической исторіи его можетъ быть почерпана или только изъ Греческихъ источниковъ, или изъ Русскихъ, оттуда произшедшихъ; равно необходимо Греческій языкъ для основательнаго изученія церковнаго права Россіи въ его первомъ источникѣ. Притомъ нынѣ отъ времени до времени находятъ въ южной Россіи остатки древности, которые могутъ быть понимаемы только при помощи знанія Греческаго языка.

Если соединимъ вмѣстѣ все сказанное нами, то ни одинъ народъ на землѣ, кромѣ потомковъ древнихъ Гелленовъ, не имѣетъ болѣе Русскаго народа причины изучать Греческую древность; и какъ средоточіемъ всѣхъ сношеній, которыя происходили между Россіею и Греціею, въ нѣдрахъ Русскихъ земель была древняя столица Кіевъ, отъ чего и Днѣпръ въ теченіи своемъ отъ Кіева къ устью обыкновенно назывался Греческимъ путемъ,—какъ въ Кіевѣ Русскій народъ

впервые принялъ Греческую вѣру, которая навсегда остается у него господствующею, и здѣсь же, въ слѣдствіе знакомства съ Греками, положено было основаніе народному просвѣщенію посредствомъ заведенія училищъ: то по этому Греки должны имѣть особенный интересъ для Кіева; и если, кромѣ новыхъ Грековъ, ни одинъ народъ не имѣетъ болѣе Русскаго, правъ изучать древнихъ Грековъ, то и изъ всѣхъ не Греческихъ городовъ на земномъ шарѣ ни одинъ не имѣетъ причины заниматься изученіемъ Греческой литтературы болѣе Кіева. Средства и поощреніе къ этому, какъ для Россіи вообще, такъ въ особенности для Кіева, мудрое правительство наше доставляетъ въ изобиліи, и нашему юношеству остается только дѣлать изъ этихъ средствъ употребленіе, соотвѣтственное важности предмета и ожиданіямъ отечески неусыпно пекущагося о благѣ своего народа Августѣйшаго Монарха.

